Нас утро накажет за шумную ночь,
Мы уснем, когда все пойдут по делам,
Когда солнце примется греть всех тех,
Кто даже почти не смотрел на него...
Всю жизнь...

Юля Котельникова (песня гр. «Пилот»)

ГЛАВА 1

Я долго не мог привыкнуть к свету и тер кулаками глаза. Через несколько секунд ко мне вернулось зрение, и заполняющий все сознание свет сузился до блеклого маломощного диска на небе в серо-желтых разводах.

Лежал я на чем-то твердом. Я посмотрел — подо мной были обугленные доски, темные обломки кирпича и ржавая железная скоба. Глянул вверх — метров на 20, нависая надо мной, уходила в небо грязно-коричневая кирпичная стена с единственным окном, черным, как дыра от выбитого зуба.

Мне вдруг стало стремно, какое-то неприятное чувство закопошилось в душе, нарастало, пробирая подвальным холодом, и я...

* * *

Я проснулся от того, что ныла рассаженная еще весной бровь. След от какой-то далекой драки. С тех пор не было ни одного серьезного махача, и поскольку мне порядком надоело таким способом аргументировать свою точку зрения, это к лучшему. Только внезапным напо-

минанием о том, как все непросто в этом мире, в брови иногда просыпается тянущая боль.

За окошком стояла подозрительная тишина, из приоткрытой рамы сквозило пронзительно-свежим воздухом. Мой взгляд лениво ползал по стене, по флагу «Зенита» и похмельным физиономиям музыкантов на постерах, пока не добрался до часов. Шесть пятнадцать. Обычно я просыпаю. Дабы не шляться по квартире, как тень отца Гамлета, я оделся, побрился, по-быстрому впихнул в себя бутерброд, протолкнул его внутрь чаем, накинул косуху и пошел на улицу.

* * *

В последние дни похолодало — кончилось бабье лето. Еще были редки холодные дожди и листва полыхала прощальным фейерверком по паркам и аллеям, но с Невы уже тянуло зябкой влагой, с залива задували пронизывающие ветры. Я вышел на еще тихую Садовую и двинул к замершему в своем осеннем великолепии Юсуповскому саду. Казалось, его кроны все лето напивались солнечным светом, чтобы в хмурые дни вернуть его миру как последний летний привет. «Если вы читаете это письмо, значит...» Скоро пойдут дожди, собьют листья, и они быстро сгниют в лужах под ногами и колесами. Красота всегда моментальна, недолговечна. Поэтому к ней нельзя привыкнуть, да, в принципе, и незачем.

Я иду по завивающейся в неоконченную спираль дорожке, шурша «гриндерами» по мокрому асфальту, вдыхая пропитавший город запах холодной воды. Все остальное сейчас смазано, нечетко. И тонкие стекла луж, раскиданные по асфальту, кажутся настолько глубокими, что в них запросто можно нырнуть с головой, как в озеро, а во вздохах ветра слышатся чьи-то слова, подхваченные где-нибудь на Выборгской стороне.

Хорошо, что нет никого вокруг. Не волочит тебя за собой общий поток, не заражаешься насыщающей воздух торопливостью. Я еще не приобрел привычку лететь по делам, не взвидя света, еще не набрал свой груз проблем... Интересно, как долго я смогу идти налегке? Пока мне это удается.

* * *

Плеер в последний раз мигнул индикатором батарейки и сдох. В трамвае поубавилось людей. Пока я соображал, как и зачем здесь оказался, когда мне вообще-то на работу надо, он переехал Обводный и теперь зарывался вглубь Фрунзенского района.

Станция метро осталась далеко позади, и спешить уже не было смысла. Я остался в припадочно вздрагивающем вагоне и ловил за пыльным стеклом побеги переулков, сумрак подворотен, безжизненные окна на проспект. Надо быть мазохистом, чтобы появиться на свет в этом городе тотального одиночества. Или фатального. Нельзя объяснить, как сложно обрести душевный покой в этом каменном существе, среди желтых внутренностей его дворов. Наверное, ни в одном мегаполисе нет столько сумасшедших, сколько населяет этого монстра. Определенно, у Петра были нехорошие задумки, когда он оглядывал царским взором раскинувшиеся перед ним топи.

Впрочем, я люблю этот мрачно-прекрасный город самой беззаветной сыновней любовью и даже его зараз-

ное одиночество принимаю с благодарностью. Я брожу, уходя взглядом в небо до тех пор, пока не заломит шею. Я здорово умею терять связь со временем.

У меня вообще с ним странные отношения, выстроенные на постоянном взаимном обмане. Мое время то дергает с низкого старта, то притормаживает, и точно в таком же дерганом ритме мотаюсь я. Пространство не успевает реагировать на мои выходки — я ускользаю от его ударов, но и призовые фишки проскакивают мимо. Нормальный парень я, короче. С моей точки зрения.

Отсутствие направленного движения вперед не окупается в глазах окружающих суммой удач, точно так же, как институт за плечами не компенсирует ирокез на голове. Я несерьезен и, может быть, даже слегка инфантилен; привыкнув бриться каждый день и загрузившись некоторым опытом, панк жив и поныне. Мирно существуя, он умудряется вымораживать своим присутствием кучу народа. Я всю жизнь отбиваюсь от сыплющихся на мою голову рекомендаций на тему «Что есть жизнь и как ее надо жить». Я барахтаюсь в потоке непонимания и напоминаю самому себе Ленинград в кольце блокады. И хотя я в восторге от своего упорства, перед упорством тех, кто вправляет мне мозги, просто снимаю шляпу. Нет, я не плыву по течению. Просто люблю свою жизнь, и пусть в ней будет то, что будет.

ГЛАВА 2

Призрачно-туманный и ненапряжный, как любая пятница, рабочий день отступил без боев, и уже в пять часов я мчался вприпрыжку к «Василеостровской». У метро меня ждала сеструха, надыбавшая билеты на концерт любимой группы. Моей любимой группы, но Варьку не нужно уговаривать составить компанию. Варя старше меня только на два года и, по ее собственным словам, пытается вести нормальную жизнь, что ей, конечно, не удается, потому что в эту размеренную жизнь регулярно вклиниваюсь я. Короче, сестра не сильно от меня отличается, и хоть смотрит на меня с ироничным любопытством из-за приподнятых тонких бровей, все же в нас течет одна и та же раздолбайская кровь.

Как передать на бумаге ощущения, которые переживаешь только на рок-концертах, я не знаю, поэтому пытаться не буду. Помню, как кодла панков рыл на 20 рядом с нами стала синхронно скакать на метровую высоту, и мы к ним тут же присоединились, продолжая при этом орать песню дурными сорванными голосами. Как мы вывалились из клуба в прохладу вечера, и все плыло и плясало перед глазами, в ушах стоял гул, как в морской раковине, и улыбка сводила скулы. А когда зрение устаканилось, я увидел такие же безмятежно счастливые

лица вокруг и снова почувствовал, как прекрасны люди, хотя бы те, с кем тебе посчастливилось слушать одну и ту же музыку.

Мы шли по набережной Невы, горланя песни одну за другой. Кто-то свинтил за бухлом в ночной магазин и вернулся, держа в охапке бутылки. Холодное пиво приятно смочило пересохшую глотку. Иногда мы вскакивали на широкий парапет и бежали по нему, чувствуя, как по правую руку качается вода. И когда спрыгивали на землю, сердце еще долго весело колотилось в горле.

Даже в позднем троллейбусе мы продолжаем петь, потому что все равно никого кроме нас нет. Тут небо начинает розоветь с краешку, и до нас доходит — тролликто не поздний, а ранний. И нервный смех вместе с ознобом холодного утра долго колотит меня и моих товарищей.

* * *

И вот утро субботы, сонное, тихое и пасмурное. «Утром» сегодня называется три часа дня. Голова тихонько трещит, в теле — локальная невесомость.

— Вот представь, каким ты через 20 лет будешь, — подкидывает первую лопату угля в топку нового бесконечного спора Антон.

Мне не так давно перевалило за первый двадцатник, однако я послушался и включил воображалку. Не заставляя меня долго ждать, она слепила образ этакого стареющего неформала с проседью в ирокезе, слегка перекошенного набок из-за постоянного ношения на этом боку цепей, полуоглохший и с намертво застывшими в «козе» пальцами обеих рук.

Да, это будет прикольно...

На самом деле не могу сказать, что картинка устроила меня на все сто, хотя определенная привлекательность в ней есть — уважаю людей за верность убеждениям. Хотя мне достаточно будет, если они останутся внутри вторым скелетом, а с остальным я как-нибудь разберусь.

Вообще-то я предпочитаю не думать о будущем. Сейчас я нравлюсь девушкам, у меня современный взгляд на вещи, я не болею и могу смело махаться с умеренным количеством противников (сделать ноги от неумеренного тоже могу). А 30 для меня — возраст, когда человек уже живет по инерции. И лучший способ накопить силу для этой инерции — отрываться прямо сейчас.

Последнюю мысль я и озвучил Антону, своему еще школьному другу, который в очередной раз поинтересовался, как долго я планирую нести возмущение в массы. В свое время мы с ним разошлись по перпендикулярным дорожкам, но никак не можем изжить в себе студенческую тягу к поиску истины бытия. Знакомые утверждают, что она где-то посередине.

— Аморфный ты, Ромыч, — качает головой Антон. — Ты сейчас вдолбил себе, что доволен жизнью, как слон. А тебя не смущает, что практически все твои друзья стали кем-то...

Об Антоне — мой ровесник, непостижимым образом успевший за те же годы вдвое больше меня. Человек Дела. Хоть Дело и не его, Тоха вбухал в него столько энергии, что уже считает своим. Доходы наши несопоставимы, равно как и количество свободного времени, что дает нам еще одну любимую тему для дискуссий. В общем — очень неплохой парень, с которым можно прекрасно по-